

Жена-доказчица

Жил-был старик со старухой. Не умела старуха языка держать на привязи; бывало, что ни услышит от мужа — сейчас вся деревня узнает. Пока не повздорят промеж себя — ещё туда-сюда, а случится старику со старухой подраться да поколотить её — она озлится и побежит по людям да на господский двор, всю подноготную расскажет; иной раз вдвое больше наврёт, чем правды скажет. По тем наговорам и тащат старика; только успевай спиной расплачиваться.

Вот однова пошёл старик в лес за дровами; ступил в одном месте ногою — нога провалилась. «Что за притча! Дай-ка я стану рыть, может — на моё счастье, что и найдётся». Взялся за лопату; копнул раз, другой, третий — и вырыл котёл полнехонёк золота. «Слава богу! Только как домой взять? От жены не укроешься, она всему свету разблаговестит; ещё беды наживёшь!» Подумал-подумал, зарыл котёл в землю и пошёл в город, купил щуку да живого зайца, щуку повесил на дерево — на самую верхушку, а зайца посадил в морду.

Приходит в избу:

— Ну, жена, какое мне счастье бог послал, только тебе сказать-то нельзя; пожалуй, всем разболтаешь!

— Скажи, старичок, — пристаёт баба, — право слово — никому не заикнусь; хочешь — побожусь, образ сниму да поцелую.

— Вот что, старуха: нашёл я в лесу полон котёл золота.

— Экой ты! Пойдём поскорее, домой унесём...

— Смотри же, старая! Никому не рассказывай, не то беду наживём.

— Небось, ты только не рассказывай, а я не скажу! Ты когда пьян, всегда хвастаешь!

Повёл мужик бабу, дошёл до того места, где щука на дереве висит, остановился, поднял вверх голову и смотрит:

— Ну, что глазеешь? Пойдём скорее!

— Да разве не видишь? Глянь, щука на дереве выросла!

— Ой ли! Полезай за нею; ужотка на ужин зажарим.

Старик слазил на дерево и достал щуку. Пошли дальше. Шли-шли:

— Дай, старая, к реке сбегаю, в морды посмотрю.

Заглянул в морду и давай жену звать:

— Глянь-ка, заяц в морду попал!

— А коли попал, бери его поскорей — к празднику на обед пригодится.

Взял старик зайца и привёл старуху в лес; отрыли вдвоём котёл с золотом и потащили домой. Дело было к вечеру; совсем потемнело.

— Старик, а старик! — говорит баба. — Никак овцы ревут?

— Какие овцы! То нашего барина черти дерут.

Шли-шли, старуха опять говорит:

— Старик, а старик! Никак коровы ревут?

— Какие коровы! То нашего барина черти дерут.

Шли-шли; стали к деревне подходить, старуха старику говорит:

— Никак волки ревут?

— Какие волки! То нашего барина черти дерут.

Разбогател старик со старухой. Вздурилась старуха пуще прежнего, пошла каждый день гостей зазывать да такие пиры подымать, что муж хоть из дому беги. Совсем от рук отбилась и слушаться перестала. Старик терпел-терпел, да не вытерпел, схватил её за косу и давай таскать по полу; досыта потешился! Как только вырвалась баба, сейчас принялась ругаться:

— Постой, подлец! Узнаешь меня. Ты хочешь всё золото себе забрать; нет, врешь! Я тебя упеку, в Сибири места не сыщешь! Сейчас пойду к барину!

Побежала к барину, завывала-заплакала:

— Так и так, — говорит, — нашёл муж полон котёл золота и с той самой поры зачал крепко вином зашибать. Я было его уговаривать, а он меня колотить; таскал-таскал за косу, еле из рук вырвалась! Прибежала к вашей милости моё горе объявить, на негодного мужа челом бить: отберите у него, подлеца, всё золото, чтоб работал, а не пьянствовал!

Барин позвал несколько дворовых людей и пошёл к старику. Приходит в избу и закричал на него:

— Ах ты, мошенник этакий! Нашёл на моей земле целый котёл золота — сколько времени прошло, а мне до сих пор не доложил! Начал пьянствовать, разбойничать да жену тиранить! Подавай сейчас золото...

— Смилуйся, барин, — отвечает старик, — я знать не знаю, ведать не ведаю: никакого золота не находил.

— Врёшь ты, бесстыжие твои глаза! — напустилась на него старуха. — Пойдёмте, барин, за мною; я покажу, где деньги спрятаны.

Приводит к сундуку, подняла крышку — нет ничего, пустёхонек.

— Ах он, плут! Пока я ходила, в иное место перепрятал.

Тут барин пристал к старику вплотную:

— Покажь золото!

— Да где ж мне его взять? Извольте про всё доподлинно допросить мою старуху.

— Ну, голубушка, расскажи мне толком, хорошенько: где и в какое время найден котёл с золотом?

— Да вот, барин, — начала старуха, — шли мы лесом — ещё в те поры шуку на дереве поймали...

— Опомнись, дура, — говорит старик, — ведь ты заговариваешься!

— Нет, подлец, я не заговариваюсь, а правду сказываю, ещё тут же мы зайца из морды вынули...

— Ну, пошла! Чай, теперь сам, барин, слышишь! Ну как можно, чтобы звери в реке водились, а рыба в лесу на дереве плодилась?

— Так по-твоему того не было? А помнишь, как мы назад шли, — я сказала: «Никак овцы режут?» А ты отвечал: «То не овцы режут, то нашего барина черти дерут!»

— Врёшь, старая! С ума спятила.

— Я опять сказала: «Никак коровы режут?» А ты: «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». А как стали подъезжать к деревне, мне почудилось, что волки режут; а ты сказал: «Какие волки! То нашего барина черти дерут...»

Барин слушал-слушал, осерчал и ну толкать в шею старуху. После того старуха недолго жила, а старик взял за себя молодую жену, накопил товаров и стал жить-поживать да в городе торговать.

442

Жил старик со старухой; сбили они на реке заезочек и заложили по мордочке. Пошли домой; на дороге увидела старуха клад и давай всем рассказывать. Что с ней делать? Вздумал старик пошутить над старухой, пошёл в поле, поймал зайца и отправился на реку морды смотреть; вынул одну — а в ней щука попалась. Он щуку-то взял, вместо её посадил в морду зайца, а рыбу в поле понёс и положил в горох. Воротился домой и зовет старуху горох крючить. Вот собрались и поехали. Дорогою старик начал сказывать:

— Люди говорят, что ныне рыба в полях живёт, а в водах зверь поселился.

— Что ты, старик!

Приехали в поле.

— Вот правда и есть! — закричал старик. — Погляди, старуха, щука-то в горох заползла!

— Лови её!

Старик взял щуку, положил в пестерёк:

— Пойдём-ка теперь на реку, не попалось ли чего в морды?

Достал морду:

— Ах, старуха, ведь люди-то правду сказывают! Погляди, заяц попал!

— Держи его крепче, а то, пожалуй, опять в воду нырнёт!

Взял старик зайца:

— Ну, говорит, поедем клад добывать.

Забрали все деньги и поехали домой. Дорогою усмотрела старуха, что в стороне медведь корову рвёт, и говорит:

— Эй, старик, погляди-ка, медведь корову рвёт.

— Молчи, жена! Это чёрт с нашего барина шкуру дерёт.

Приехали ко двору; старик пошёл деньги прятать, а старуха побежала рассказать соседке; соседка рассказала дворецкому, а дворецкий барину. Барин призвал старика:

— Ты клад нашёл?

— Никак нет.

— Твоя старуха сказала.

— Да, пожалуй, ей врать не впервой!

Послал барин за старухой:

— Что, старуха, нашли вы клад?

— Нашли, батюшка!

— Как же ты, старик, говоришь, что нет?

— Что ты врёшь, глупая баба! Ну, где мы клад нашли?

— Как где? В поле; ещё в то время щука в горохе плавала, а заяц в морду попал.

— Врёшь ты, старая кочерга! Где это видано, чтобы рыба в поле жила, а заяц в воде плавал?

— Ну вот, позабыл! Ещё в то самое время чёрт с нашего барина шкуру драл...

Барин хлоп её по уху:

— Что ты бредишь, подлая! Когда чёрт с меня шкуру драл?

— Да, таки драл, ей-богу, драл!

Барин рассердился, велел принести розог и заставил при себе её наказывать. Растянули её, сердечную, и начали потчевать; а она знай себе — и под розгами то же рассказывает. Барин плюнул и прогнал старика со старухой.

443

Жил мужик на чужой стороне, не заработал ни копейки и пошёл домой. Стал подходить к своей деревне и думает: как без денег домой показаться? Попадает ему богатый жид навстречу; мужик хватил его топором, ушиб до смерти, деньги к себе прибрал, а мёртвое тело под куст стащил. Приходит домой, увидела жена деньги и ну приставать:

— Где добыл такую великую казну?

Мужик и проговорись:

— Встречного убил, под куст положил; смотри, жена, никому не сказывай!

Проговорился, да и сам не рад: «Ну как разболтает баба? Ведь у них волос длинен, да ум короткий! Беда моя будет!»

Побежал поскорей в поле, ухватил-поволок жида в иное место и зарыл где-то в лесной трущобе, а вместо его под кустом бросил зарезанного козла; потом закупил целый четверик груш и нацеплял их на вербу; а стояла та верба как раз на дороге к барской усадьбе. День прошёл — баба молчит, и другой прошёл — всё молчит; а на третий чёрт и попутал. Вишь, муж в частую дома не живал, так баба с добрым молодцем знакомство свела; доведалься мужик, что баба-то гуляет, и давай её бить-колотить — что только силы было!

— Ах ты, разбойник, — закричала она, — одного ты убил и денежки обообрал, а теперь и меня хочешь забить до смерти! Пойдём, душегуб, к барину; я на тебя всё докажу...

Пошли судиться к барину.

— Стой, жена, — говорит мужик дорогою, — погляди-ка, на вербе груши выросли, давай трусить.

— Давай!

Натрусили полон мешок, снесли домой и опять собрались к барину. Вот и усадьба барская. Стала жена на мужа доказывать:

— Батюшка барин! Заступись, оборони от злодея: мой муж человека сгубил, деньги обообрал, мёртвое тело под куст положил.

— Что ты врёшь, полоумная? Не верьте ей, добрый барин: она у меня издавна завирается. Я козла зарезал, а ей человек почудился.

Барин поехал сам осматривать; глянул под куст — зарезанный козёл лежит.

— Что ж ты клепишь, глупая баба?

— Нет, барин, — отвечает баба, — я не клеплю, а говорю сущую правду; должно быть он, мошенник, мёртвое тело запрятал куда подальше, а вместо его козла подкинул.

— Ну, мужик, признавайся! — говорит барин.

— Да в чём признаваться-то, коли ни душой, ни телом не виноват? Известное дело — баба: волос долог, ум короткий; сдуру врёт! Она, пожалуй, скажет, что груши на вербе растут, — так ей и верить?

— Да, таки растут! Сегодня полон мешок с вербы натрусили...

— Пошла вон, дура, — закричал барин, — ты совсем с ума спятила.

Пошла баба, несолоно хлебавши; а дома мужик опять за плётку и порядком поучил её: с неделю спина и бока болели!